

Гарник КАГРАМАНЯН

РАССКАЗ*

...Самолёт помчался по взлётной полосе и, набрав соответствующую скорость, оторвался от армянской земли... Мысли Гара перепутались: «Неужели больше не увижу мою любимую страну, наш Ереван, село Одзун, где родились отец и мать, наш старый дом с недостроенной комнатой, могилу мамы, которая потеряла на войне мужа...»

– Вы не скажете, когда будем в Новосибирске? – спросила сидящая рядом женщина.

– Около четырёх часов по новосибирскому, – ответил Гар и, внимательно посмотрев в лицо красотке, спросил: – Армянка?

– Нет, – ответила она на русском языке.

– Глаза голубые, волосы светлые, – сказал Гар и снова углубился в свои мысли. Ему было больше семидесяти, но, несмотря на возраст, он сохранил мужскую красоту. Правда, изнутри он ощущал какое-то смутное беспокойство... Вдруг Гар повернулся и спросил:

– По-армянски знаете?

– Конечно, знаю, – удивилась она.

– А почему со мной говорите на русском?

– Мне казалось, что вы европеец.

Гар вспомнил своего давно умершего дядю, преподававшего армянский язык и литературу, автора многих статей и очерков. Он часто говорил Гару о том, как тот похож на поэта Роберта Бёрнса, стихи которого всегда произвели на Гара очень глубокое впечатление...

– Давай перейдём на «ты»... А ведь ты не похож на армянина!

– Может, и характер не армянский? – сказал Гар.

– Откровенно говоря, ты кажешься глубоко видящим, но прямым быть не можешь...

– Извини меня, – сказал Гар, – как зовут тебя?

– Моё имя не армянское, и я не армянка.

– Не понял, – удивился Гар, – отлично говоришь по-армянски, но кто ты такая?

– Я та женщина... более правильно... может быть, ты перепутал с пропавшей тобой?

– Но ты меня удивляешь: да, я потерял, искал, но не нашёл.

– Я в газете читала стихи, посвящённые ей, которые очень близки моему сердцу. Я хочу, чтобы ты звал меня Занной.

– Но скажи мне, на самом деле, кто ты?

– Кто я, скажу тогда, когда выйдем из аэропорта и разойдёмся.

«С ума сойти можно, – думал Гар, – эта женщина хорошо меня знает, а я не могу её вспомнить, неужели это случайная встреча? Или...»

– Я буду звать тебя Занной, но скажи, прошу тебя, кто ты такая и откуда знаешь меня.

– Я скажу тебе это в аэропорту во время прощания, – сказала она и продолжила: – Помнишь тот литературно-творческий вечер, когда выступал и ты, читая стихотворения?

– Помню, – сказал Гар.

– Потом вы сидели с председателем областного Союза писателей. Она подошла к тебе вместе с одним мужчиной, и этот человек спросил тебя: «Вы какой нации?» Ты удивился: «Почему вы спрашиваете?» «Основа вашей фамилии персидская, – сказал он, – Каграман – персидское слово, означающее герой». «Я армянин», – сказал ты и повернулся к другим собеседникам.

– Вспомнил я эту встречу, этих мужчину и женщину, но ты, наверное, не та женщина, она была красивее.

– Может быть, это не я была, мне сейчас около шестидесяти лет, а она была молодая красавица.

– Но какое-то сходство есть, неужели это ты, Занна?

* Правка текста Льва Вертгейма.

– Нет, нет, просто ты память потерял.

– Занна, любимая, скажи: ты моя мечта, моя «последняя песня», мой «незавершённый поцелуй».

– Я достойна полного, завершённого поцелуя и вечной любви, неполный поцелуй разделяют в губах разных мужчин...

Мысли Гара закрутились и запутались, он снова посмотрел в иллюминатор и попытался найти в памяти сходство с лицом Занны, с её разговором и удивительно холодным взглядом. Гар резко перевёл взгляд на Занну.

– Скажешь, наконец, кто ты на самом деле?

– Из твоих умных глаз давно ушла и потерялась та, которую ты хочешь найти сейчас: твоя настоящая птица, которая и была, и не была.

– Ты хочешь меня запутать, – обиделся Гар.

– Я такая, какая и была. Это ты потерял внимание, которое было очень точным. Жаль, очень жаль, что не узнал...

– Я и так в Одзуне получил сильный удар, обижен до глубины души, надоели некоторые бессовестные люди, и в таком состоянии уезжаю из любимой Армении, из родного Одзуна, где родился и где прошло моё детство сироты войны.

– Что случилось, Гар, кто тебя обидел и зачем? – спросила Занна.

– Не обидели, а разбили моё невинное сердце, наполнили грязью ручеек моего детства, из которого пила воду моя красивая птица и улетела далеко-далеко, оставив в ручейке своё перо, которое до сих пор плавает там...

...Я вспоминаю вот что: когда это стихотворение напечатали в газете «Авангард», мы с моим дядей Грантом и братом Аветиком встретили в издательстве «Айпетрат» Оганеса Шираза, нашего великого поэта, они очень хорошо знали друг друга. После разговора Шираз сказал мне: «читай одно стихотворение». Я так и сделал. Когда дошёл до слов

Деревья отплакали листьями,

Со слезами их капала кровь,

Оганес Шираз остановил меня и сказал: «Повтори». Я повторил, он долго размышлял об этом выражении и, наконец, сказал: «Давай подпишу». Я почему-то растерялся, и, к сожалению, подписи нашего великого поэта на этом стихотворении не осталось. А она была бы очень дорогой памятью для меня... Позже я заменил слово «листьями» и сделал так: «Деревья плакали от скуки»... Может, он так хотел...

– Какую большую ошибку ты допустил, – сказала Занна и продолжила: – ведь ему понравилось стихотворение, и ты лишился такого значимого мнения.

– Да, лишился подписи, мнения великого поэта...

В самолёте девушки начали обслужи-

вать, кормить авиапассажиров. Гар отказался обедать, его мысли то перемещались в неприятное прошлое, то возвращались в настоящее, похожее на сказку...

– Зачем отказываешься от еды? Нам ещё долго лететь, – сказала Занна. – Хотя что-нибудь надо скушать.

– Я сыт всем...

– Может быть, и мною? – глядя на Гара, улыбнулась Занна.

– Нет, ты приятная женщина, с глубокой душой. Особенно, когда женщина знает мужчину, а мужчина нет, – сказал Гар.

– Хотя что-нибудь возьми с моего столика, ну, хотя бы это яблочко...

– Пока не скажешь по-настоящему, кто ты, я не буду тебе подчиняться, – улыбнулся Гар.

– Я тебе уже ответила, что скажу тогда, когда мы навсегда расстанемся, – голубые глаза Занны наполнились слезами.

Гар вновь повернул лицо к маленькому окошку и надолго задумался...

– Ты потерял память, Гар, – обиделась Занна.

– Нет, нет, что ты говоришь, я просто потерялся в мыслях, прости меня, – попытался оправдаться Гар.

– Но я чувствую, что ты, Гар, попал в неприятную историю.

– Да, Занна, в горькую историю, почти невероятную.

– Что случилось, может, тебя сильно обидели?

– Произошло нечто ужасное со стороны друга детства.

– Скажи, расскажи мне, пожалуйста, я облегчу твои переживания.

– Это не переживания, Занна, это страшно...

– Как так? – сказала Занна.

– Это даже не попытка, а настоящее убийство в самой скрытной форме со стороны друга детства, – вздохнув глубоко, от души, горько улыбнулся Гар и добавил: – Отравление...

– Отравление – это самое подлое, дело трусливых рук, преступление подлецов. Но зачем? Чем ты объясняешь это? – удивилась Занна.

– Со стороны предателя товарища, в интересах той подлой среды, где не видят ничего, кроме выгоды. К этому добавилась внутренняя злость, которая многократно входила своё выражение, – объяснил Гар.

– Из-за этого травят даже товарища детства? – с удивлением вскричала Занна, добавив: – С ума сошли?

– Против меня велись такие игры – пугать за то, что я в своих стихах острыми словами и мыслями раскрывал подлость, чёрную истину. А настоящая истина в том, что человек хочет жить честно, по-человечески, а для этого создают, а не грабят любой ценой, что в нашей действительности стало нормой, чуть ли не законом.

– Это не норма и не закон, Гар, это мощная цепь, переплетение грязной несправедливости, личной выгоды, подлого завышения цен, обмана честного народа, детей, семьи, даже Бога – даже крестное знамение там с ложью... Гар, можешь открыть скобки? Что случилось, кто замутил ясность твоей души?

– Могу, я сейчас скажу, чтобы душа моя хоть немного успокоилась... Я очень любил и уважал моих товарищей, соседей, родственников, сельчан, радовался их счастью и не желал их заменить на каких-то других людей... Однако не от всех я получил соответствующее внимание... Есть люди, внутренняя зависть которых приводит их к ослепленности против всего светлого...

– Да, Гар, есть такие, и их немало. Часто это называют доброй завистью...

– Если добрая, это не зависть; а если злая, значит, не желает доброго; а если не желает доброго, то как можно считать её доброй? – улыбнулся Гар.

– Злых много. Гар, берегись тайной доброты, под этой личиной они часто достигают ужасного уровня зла, – сказала Занна.

– Человек, если он чист душой и честен, то ему кажется, что все люди такие; но часто встречаются злые; и, к сожалению, так случилось со мною, – грустно посмотрел Гар и продолжал: – Чёрта иногда замечаешь, но внимания не обращаешь, а он чернеет и чернеет...

– В таком случае не надо молчать, – сказала Занна. – Надо сказать в лицо, извини, даже плевать в лицо, чтобы он острее почувствовал свою грязь и подлость.

– Мой дядя Грант учился вместе в университете с Паруйром Севаком, и однажды по предложению моего дяди мы поехали к нему в гости. Севак нас принимал с уважением, даже угостил «хашем». Мы разговаривали на разные темы, и внезапно наш великий армянский поэт начал кашлять и никак не мог остановиться. Я не знал, что делать, как помочь моему любимому поэту. Вдруг он, чувствуя моё беспокойство по поводу кашля, почти закричал: «Ты кушай твой хаш». Разговор был в основном о поэзии. В завершение мы передали ему рукопись моей книги, для того чтобы он прочитал её и высказал своё суждение. Но я так и не услышал его мнения, столь важного для меня. Он выбрал из моей книги слабые стихи, которые я написал в юности и, конечно, очень справедливо их раскритиковал; однако он никак не отметил тех стихов, которые печатались в центральных газетах Армении и журналах... Фактически я так и не узнал настоящего мнения моего любимого великого поэта. Скажу, что до этого, в 1956 году, в газете «Пионер канч» великий армянский поэт и писатель Наири Зарян в статье «Разговор о юных творцах» среди многих юношей заметил и меня, написал: «Бывают и ученические стихотворения, где выражаются истинные чувства, настоящее поэтическое настроение». Помимо этого, отличное мнение о моём творчестве вы-

сказали начальник отдела Союза писателей Армении Каренц и другие. Не забуду упомянуть вот о чём: тому, что Паруйр Севак не уделил внимания всему творчеству, а лишь только незрелым ранним стихам, был удивлён и его друг, мой дядя Грант, который отлично знал и понимал поэзию и литературу; это осталось для меня большим вопросом... В дальнейшем, разговаривая с одним очень плодовитым писателем, чутко следующим направлению ветра времени, автором более десятка книг прозы, которого вместо имени я буду называть Фальшь, я узнал, что он знает о моей встрече с Паруйром Севаком: «Надо же! он с великими общался!» Я от него часто слышал, что моё образование – техническое... Однако мои знания по армянскому языку и литературе, быть может, намного обширнее, чем у этого «агронома»...

...Да, возможно, важнее найти общий язык, но в моём характере этого нет...

– Из-за этого, быть может, тебя некоторые не любят или не замечают, Гар, – сказала Занна.

– Не знаю, Занна. Характер у меня ясный, но немного сложный, иногда непонятный, – улыбнулся Гар. – Но кто не любит, тот не любит: любовь и уважение взаимны в жизни; важно общение, если оно не становится подхалимством. Во всех таких вопросах я ценю откровенность.

– Да, Гар, искренность превышает всего – там чистая душа и истинная поэзия, чистая и глубокая, – подтвердила Занна.

– Эту ясность и искренность я заметил у Паруйра Севака. Я тогда был очень молодой, но почувствовал его искренность и честность. Но всё-таки что-то осталось для меня неясным и неизвестным, – высказал своё беспокойство Гар. – В молодости, когда я уже стал директором Алавердской текстильной фабрики, общения с людьми стало больше. Часто собирались с друзьями, организовывали весёлые встречи и порой злоупотребляли алкогольными напитками. Я всегда старался оставаться в норме, хотя алкоголь иногда предаёт, как «любимый товарищ». Часто из Еревана приезжали к нам в город Алаверди специалисты разных отраслей промышленности, а с ними поэты и писатели, которые выступали перед людьми: Вазген Аракелян, Грант Гюласарян, Аревшат Авагян, ныне покойный Татул Болорчяни другие... Почти тридцать лет я их не видел, не общался с моими любимыми армянскими поэтами, потому что жил за границей, далеко от моей любимой Армении. Горько, что каждый год растёт число уехавших: пустеют наши сёла, и даже в городах это чувствуется...

– Гар, я очень хочу узнать, что тебя вдохновляет больше всего, – спросила Занна.

– Разное: в основном любовь ко всем, несытость, безразличие, болезненное самозлюбие и вообще всё, что лечится по рецептам справедливости. Но, как очевидно, несправедливость достигла самой вершины:

появилась огромная пропасть между богатыми и нищими, – пожаловался Гар.

– Ненависть и злость, зависть, – добавила Занна и продолжила: – Духовный мир красивого и некрасивого и, наконец, аппетит сытого и голодного человека, который очень важен для существования. Часто это становится причиной, по которой женщины сворачивают с честной дороги, совершают предательство в отсутствие мужа, находясь за границей на заработках для содержания семьи...

– Да, Занна, куда же мы идём, куда нас таскают?.. К уничтожению святого, к морям лжи и грязи, чтобы утопить там полностью...

– Чтобы не утонуть, Гар, в этой грязи, давай поговорим о наших болях. Скажи, что случилось с тобой? Кто тебя, такого ясновидящего человека, так сильно обидел, причём на любимой родине, что можно подумать – бежишь, Гар? Это разве не слабость, ведь я знала тебя сильным человеком, гордым и стойким? – обиделась Занна.

– Очень гордые тоже ломаются, когда вопрос касается предательства невинного, и невозможно найти ответ, причину... – рассердился Гар.

– Гар, говорят, в жизни всё определяет знание. А если добавляется личная зависть, то верность утрачивает свою силу, и тайно, даже со страхом от низкого взгляда, глаза поднимаются до предательства, – заметила Занна.

– Говорят, жизнь – это борьба, но я никогда за жизнь не боролся, за мою жизнь боролся мой отец и, как многие, погиб на полях Отечественной войны. Работа должна быть связана с желанием, а не с борьбой за выживание, даже ценой жизни. А сейчас и с помощью взятки люди не могут найти работу, вот в чём беда. Как сказал великий армянский поэт Паруйр Севак, «Есть человек, который поднялся на спину мира, но, по-моему, сейчас никто не хочет нести груз на своей спине; все хотят смотреть и смеяться над этим глупцом». В этом вопросе сейчас «дураки глупые» исчезли, все стали «умные», – сказал Гар.

– Жить стало труднее. Рабочие места, особенно в маленьких городах, почти отсутствуют, так что на спинах нечего носить, чтобы бедные люди хоть таким образом могли заработать хлеб, а пенсия настолько маленькая, что на неделю не хватает, – пожаловалась Занна.

– А если бы не было работы за границей, то люди умерли бы от голода, – рассердился Гар.

– И удивительно то, – продолжил он, – что никто и не думает создавать новые рабочие места, цеха, хотя бы восстановить разрушенные предприятия, которых очень много... Разрушили, купили по низким ценам, распродали даже камни, из которых были сложены стены... Два года я руководил Одзунской швейной фабрикой, а у тебя какие связи с Одзуном?

– Большие связи, Гар. Я тебя знаю с Одзуна, но ты меня не помнишь, обижаешь Занну.

Гар снова потерялся в своих мыслях, вспомнил юность, молодые годы, проведённые в селе Одзун со своими товарищами в любви и уважении, пытался найти в воспоминаниях эту женщину и не нашёл...

– Гар, – почти кричала Занна, – ты очень точно отметил разрушающую роль зависти в жизни... и из-за этого многие друзья и подруги бросили друг друга.

– То, что случилось со мной, – это не только зависть. Это атака лжи – лжи, при помощи которой обманывают бедный народ, занимают должности и разными путями делают деньги, богатство. Там есть миллионеры и миллиардеры... Меня хотели держать в состоянии испуга...

– Уже перешли на настоящие действия, – сказала Занна и продолжила: – Ведь ты начал иметь подозрения о попытках отравления в том доме, при помощи кофе, приготовленного руками предателя. Выпивая его, ты очень плохо чувствовал себя. Потом месяцами не открывал дверь того дома.

– Да, это было, Занна, но я подозревал и других соседей, обижался на них и даже ругался, что отравили, попал в неловкое положение...

– ...А когда «товарищ» снова угостил кофе, ты выпил и через некоторое время вышел во двор, а когда вернулся в дом, то заметил, что он говорит по телефону и выглядит каким-то изменившимся, а потом быстро положил трубку. Он кому-то тайно что-то сообщал... Ты ни одного слова не расслышал? – поинтересовалась Занна.

– Нет, Занна, он быстро положил трубку. А мне необходимо было поехать в город Алаверди. Я вышел из дома товарища детства и пошёл на автобусную остановку, и вдруг рядом остановилась одна легковая автомашина. Я спросил: «Можете до Алаверди подвезти?» – «Пожалуйста, садитесь», – сказал незнакомый мне шофёр.

Я сел рядом с ним и спросил его: «Вы из Одзуна, молодой человек?» – «Да, конечно, и вас очень хорошо знаю, вы мне одно доброе дело сделали в городе Новосибирске». – «Как?», – удивился я. – Не узнаю тебя и не припоминаю этого доброго дела». – «Я служил в Новосибирске как советский солдат, вместе со мной ещё были армяне, и один из них был внук вашего дальнего родственника Залико». – «Вспомнил, вспомнил, ночевали у нас, а один парень из ваших товарищей подарил мне нож. «Ничего у меня нет, чтобы отблагодарить вас», – сказал он и подарил этот ножик. Я взял его и уже около 25 лет храню как подарок солдата Советской армии. Я многим помогал в те тяжёлые годы и ни от кого не ожидал ответных благодарений, но я вижу, что ты хочешь ответить мне добром, молодец!»

Он немножко растерялся. А до этого мне уже стало нехорошо, началось какое-то го-

ловокружение... Я спросил его: «Ты так и не сказал мне, чей ты сын?» – «Я внук Турканц Агабега», – сказал он. «Хорошо знаю, – сказал я, – и маму твою – дочку Бобикенц; насколько я знаю, дед твой – мой ровесник, они живые?» – «Нет, умерли». – «Добрая им память. С ними я много играл в детстве, вместе пошли в школу, потом дороги жизни нас разлучили».

Через несколько минут один молодой человек, стоявший на обочине дороги, проголосовал нам. Шофёр остановил машину, молодой человек сел сзади меня. Он был мне незнаком. У меня появилось ощущение чего-то странного, неестественного... Между прочим, торговцы – все они связаны с некоторыми работниками милиции, защищающими нарушителей порядка...

Когда доехали до места, называемого «Шек Круг» («Рыжие камни»), я попросил остановить машину. Я вышел из неё и верхней дорогой пошёл к дому моего двоюродного брата Лера. Я поднялся наверх через сад, дверь была закрыта. Чувствую, мне очень плохо, с головой что-то не то, кружится. «Что случилось со мной?» – думаю. Прямо оттуда пошёл в редакцию газеты «Туманянакан Ашхар». И что я вижу: там уже собрались вместе главный редактор Масис, с ним Антарам, сидит и Фальшь. Я обратил внимание на то, что Фальшь странно взглянул на меня. Я сказал ему: «Как ты рано пришёл!» – «Знал, что ты придёшь, и из-за этого пришёл пораньше. Поздравляю тебя с напечатанными стихами!» Поговорили, выпили-закусили немного, и я быстро ушёл, так как очень плохо себя чувствовал...

На улице стояло очень много автомашин. «Что случилось?» – подумал я и вдруг увидел и ту самую машину, в которой я приехал из Одзуна. Так как меня утром друг детства угостил кофе, то я решил ему позвонить. «Алло», – сказал я по телефону. «Да-а-а», – ответ был очень странным. «Где ты?» – спросил я. «В больнице, – еле ответил он, – «мне-е-е... очень пл-ло-ох-хо... инфаркт полу-у-учил».

Я – в том состоянии, в каком был – пошёл в больницу к моему недужному товарищу. И вот я вижу: он лежит на койке, слабый, лицо искривлено, глаза почти закрыты, еле отвечает на вопросы. В этот момент пришла врач и запретила мне разговаривать с ним. Немного позже я подошёл к врачам, спросил о состоянии моего друга. Там был и его очень дальний родственник, Цтанц Ворон, который и привёз его в больницу из Одзуна и который теперь ожидал другого родственника из Еревана, чтобы перевезти туда больного для лечения...

Я подумал: «Позвоню моему двоюродному брату и пойду туда провести время». Позвонил – ответа нет, позвонил ещё – не берёт трубку. Решил пойти узнать, в чём дело. Поднялся в его сад и с очень близкого расстояния позвонил снова – да так близко, что я его вижу и даже слышу звук моего

телефонного вызова, а он смотрит на трубку и не отвечает. Я подошёл к нему (до этого он в нарды играл с заместителем начальника милиции города): «Почему смотришь на трубку и не отвечаешь?» – «Не слышал», – ответил он. «Да я вот оттуда слышал, а ты у себя под носом не слышал?» После этого он никогда больше не услышит моего голоса. Я был в таком состоянии, а он так поступил со мною...

– Гар, я очень внимательно тебя слушаю. Поведение твоего двоюродного брата удивило меня. Друг врага – враг: или идиот, что родного бросает даже в таком состоянии, – сказала Занна.

– Его нечеловеческая глухота была для меня более сильным ударом, чем «поздравления» Фальши или почти полная чашка кофе, которой меня угостил мой друг детства, – сказал Гар после долгого раздумья.

– Переполненный удивлением от всего произошедшего, я пошёл к другому двоюродному брату. В квартире сидел мой ровесник – узнаваемый и уважаемый в музыкальной среде Лазарь. Мы поздоровались, и после разговора, зная о его любви к поэзии, песням и музыке, я подарил ему газету «Туманянакан Ашхар» с моими новыми стихами, целая отдельная газетная страница стихов. Я почитал им эти стихи, и они очень понравились ему и его жене. После недолгого разговора я пожаловался им на поведение Лера. Лазарь сильно удивился: «Что это означает?» – «Я тоже не понял, – сказал я, – ответ на этот вопрос ты можешь получить лишь от него самого».

Попрощавшись, я вышел из дома, уехал в Кировакан, Ереван к дочерям, потом к сыну в Новосибирск, там я решил мой вопрос с квартирой, получил, подарил сыну...

– Это отлично, – отметила Занна.

– Но в этом году я ничего не сделал в нашем огороде в селе Одзун...

Гар снова ушёл в свои мысли...

– Я вспоминаю то, что случилось после крестин сына моего брата Гаго. Тогда там собралось очень много людей. Я пошёл к этому тайному врагу-товарищу и пригласил его, думая, что он один и ему скучно. Как тамада я руководил весельем, предложил выпить и за тех мужчин, которые потеряли своих жён, и за женщин, потерявших мужей. Все радостно и весело приняли этот тост и выпили. Потом я предложил выпить за друзей и товарищей, вспомнить тех, которые уже ушли навсегда, а в числе живых предложил выпить за этого моего товарища, который сидел погружённый в какие-то свои мысли... Он поблагодарил, отметил нашу дружбу с детства – некорыстную, добрую – до старости, но что-то мне казалось неистинным, тёмным. Он взял со стола косточки для своей собаки и ушёл. А я продолжал руководить застольем, которое прошло очень хорошо.

– А ты вообще когда-нибудь до этого руководил такими мероприятиями? – спросила Занна.

– Были случаи, особенно когда был в должности, – улыбнулся Гар и продолжил: – На следующий день я решил ехать в Ванадзор, а потом в Ереван, воспользовавшись тем, что дальний родственник этого моего товарища должен был ехать на своей машине в Ереван. Я думал также поехать с ними до города Ванадзор, договорился с ними. «Можно», – сказали они, но обманули меня.

К этому времени я уже у этого товарища дома выпил кофе. Кроме двух его имён, я теперь добавлю и третье: Предатель. Не забуду упомянуть, что он уже успел сходить в магазин, купил мясо, приготовил обед, а я пошёл домой, чтобы с ними по договорённости поехать. Но тут я уже начал чувствовать, что снова что-то у меня в голове мутно, кружится, в уме какая-то темнота.

– Гар, а как ты после всего, что было раньше, доверял ему? Да ещё собирался поехать с ним в одной машине?

– Растерялся, Занна... Обманули меня как враги... Как будто бы сына этого соседа родственники из Еревана отправили ко мне, и вроде он кричал у моего дома, а я не слушал...

– Смотри-ка, как воспитывают родного сына! – рассердилась Занна.

– Пусть Бог будет его защитником в жизни... Ну да Бог с ними, Занна... После кофе, а потом после обеда с мясом я почувствовал, что теряю себя. Кое-как дошёл до дома моего брата. К счастью, сын брата Гаго и жена его были дома. Они увидели, как мне плохо, уложили на кровать. Потом кое-как дошёл до туалета, меня рвало тем, что я кушал. Организм стремился освободиться от этого очень тяжёлого состояния, от этого яда, которым меня угостили. Я практически потерял сознание. Помню только медсестру, имени которой даже не знаю, пусть извинит меня – она по особой системе промыла мне желудок и все внутренности организма. Ночью Гаго разбудил начальника сельской аптеки, купил все нужные препараты и лекарства, и таким образом добрые люди спасли меня от смерти. Спасибо им.

– Гар, а кому ты сделал что-либо плохое? Насколько я знаю, и вообще все знакомые с тобой люди говорят, что ты даже смерти врагу, если он есть, не желаешь.

– Да, Занна, пусть долго живёт тот, кто сделал или помогал осуществить это чёрное дело, но Бог есть и всегда меня спасает с помощью добрых людей. А зачем он совершил это тайное преступление? В первую очередь это его собственная злость, болезнь. Он уже долгое время живёт лекарствами, и я много раз спасал его от смерти. Хорошо, что он

остался живым, и я готов ещё раз спасти его, но больше не приму его угощение кофе. Я желаю ему долгих лет жизни, здоровья, но когда он будет прощаться с этим миром, я не буду провожать его туда, куда он меня хотел отправить... Удивительно, что он сказал, что я пил кофе у Джанинянов, и что я там отравился. Я у них был в предшествующий день, ещё до того случая... Это ложь...

– Гар, очень прошу тебя: напиши об этом случае одно достойное стихотворение, чтобы никогда среди людей – и особенно среди друзей и товарищей – такая подлость не случилась больше никогда!

– Обещаю, Занна... Одновременно вот что напомним всем злым преступникам, которые были замешаны в этом деле, у которых есть, наверное, опыт таких убийств или попыток убийств: это не форма убийства по-армянски, армяне – гордые люди и никогда так подло не убивают вообще и особенно товарищей с детства.

– Но ты, Гар, бессмертен, пока есть любимая Армения и армянский народ...

– И любимая Занна... может быть?

Наш самолёт приземлился в Новосибирске. Со всеми из самолёта вышли и Занна, и Гар, прошли зал ожидания и подошли к выходу.

– А вот и наши! – закричала Занна и обняла мужчину в чёрном костюме и чёрных очках.

– Муж мой, – сказала она.

Гар подумал: «Он очень похож на того мужчину, который в Новосибирске на творческом вечере с Занной подошёл ко мне и, узнав мою фамилию, спросил: «Какой вы национальности?»

Они сели в свою машину, и вдруг Занна закричала:

– Гар, я не Занна, я сестра Занны, она давно исчезла и стала невидимой, светлая ей память! Ты больше не увидишь её, не найдёшь!..

Гар посмотрел с удивлением и ошеломлением... Автомашина потерялась из виду...

– Отец, – прозвучал вдруг голос сына.

Они обнялись, сели в машину.

– Поехали, – с радостью сказал сын.

– Конечно, сын мой... Поехали искать...

– Что ты потерял, отец?

– Очень много, сынок... И моя Армения осталась вдали, но тебя я, кажется, нашёл.

– Мы вместе поедem в Армению, – сказал сын, – это страна наша, а не тех, кто обижает честных армян, кто разрушает и грабит бедных людей. Это страна тех, кто думает о народе, борется за счастье простых армян, тех, которые не травят товарищей детства...

18 февраля 2015

г. Новосибирск